

сшедший, которой рехнулся на путешествиях Робинзона Крузо; которой ни о чем больше не думает, как только, чтобы ехать ему на пустой остров и учредить там новую республику; которого и жена обманывает, и в то время как он, запершись в кабинете, для мнимого своего государства сочиняет законы, она приготовляет ему граждан для населения; фуй! не говори мне о благополучии этого дурака» (д. II, явл. 4).

Кто этот Химеров, мечтавший в екатерининской России в полупугачевское время о создании утопической республики на необитаемом острове, мы сейчас не знаем. Но для характеристики умственных течений эпохи, когда Радищев писал свое «Путешествие», этот штрих представляется мне нелишним.

Но можно ли согласиться с противопоставляемой легенде об одиночестве Радищева новой легендой о том, что Радищев имел многочисленных предшественников, соратников, последователей? Н. К. Пиксанов правильно отметил: «Никто из названных предшественников и ближайших последователей Радищева не мог равняться в своей силе и значении с великим мыслителем и революционером».²⁶

Какие, в самом деле, это предшественники, какие это соратники и последователи Радищева, когда они самого главного в его философских и политических взглядах — материалистического учения о закономерности и справедливости крестьянской революции — не принимали и не признавали?

Борьба с легендой об одиночестве Радищева была в свое время необходима, необходима она и сейчас. Но также необходимо и правильное понимание исторической роли революционера Радищева, зачинателя русской революционной традиции.

Радищев был не одинок не потому, что до него выступали отдельные передовые русские мыслители и писатели-просветители, не потому, что за ним, как принято считать, шли И. Борн, В. Попугаев и др. Он был не одинок потому, что отражал в своем философском и литературном творчестве настроения многих миллионов крепостных русских крестьян, потому что он думал о благе народных масс и боролся за народное счастье.

Весьма важные факты об «окружении Радищева» не утрачивают в результате только что сказанного своего значения: они свидетельствуют о том, что тяжелое положение угнетенного крепостным укладом крестьянства вызывало к жизни разные виды передовых воззрений, и именно это заставляет нас относиться к ним с должным вниманием.

²⁶ «Звезда», 1952, № 9, стр. 163.